

УДК 821.161.1–1
doi 10.17072/2073-6681-2021-3-94-100

ОБРАЗ ШАХТЕРА В СТИХАХ СОЛИКАМСКИХ ПОЭТОВ-КАЛИЙЩИКОВ¹

Лилия Михайловна Пантелеева

к. филол. н., научный сотрудник социально-гуманитарного факультета

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

614070, Россия, г. Пермь, ул. Студенческая, 38. liliya_pant@mail.ru

SPIN-код: 2411-1021

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5815-1288>

ResearcherID: K-9889-2017

Статья поступила в редакцию 25.04.2021

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Пантелеева Л. М. Образ шахтера в стихах соликамских поэтов-калийщиков // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. Т. 13, вып. 3. С. 94–100. doi 10.17072/2073-6681-2021-3-94-100

Please cite this article in English as:

Panteleeva L. M. Obraz shakhtera v stikhakh solikamskikh poetov-kaliyshnikov [The Image of a Miner in Verses of Solikamsk Poets – Potash Workers]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2021, vol. 13, issue 3, pp. 94–100. doi 10.17072/2073-6681-2021-3-94-100 (In Russ.)

В статье подвергаются анализу современные наивные стихотворения о шахтерах-калийщиках, написанные соликамскими поэтами и адресованные широкой публике. Предметом внимания становится лексико-тематическое пространство, сопряженное с образом лирического героя. Лингвистическому описанию поддаются такие общие для всех авторов тематические группы, как «статус», «портрет», «деятельность», «окружение», «социальная оценка». Их наполненность и проработанность позволяет судить о концептуальной близости текстов советской производственной пропаганде. Собираемый образ шахтера во всех стихах подается как отделенный от народных масс. Портретные характеристики персонажа прописываются в традициях соцреализма: морщинистое лицо, гордая осанка, рабочие руки. Трудовой героизм рабочего не находит сопоставлений в обыденной – мирной – жизни: единственное адекватное ему проявление самоотверженности авторы видят в боевом духе военных. Условия труда репрезентируются через пространственные координаты, чаще вынесенные внутрь земли. Социальная оценка шахтерской профессии выражается прямо, в высокопатетичных признаниях и благодарностях.

Тематическое сравнение соликамской шахтерской лирики с произведениями кемеровских поэтов этого же времени позволило обнаружить некоторые концептуально значимые несовпадения в образе главного героя. Уральские стихотворения отличаются от сибирских торжественным настроением и не допускают лексики, снижающей, компрометирующей или обытовляющей образ. В соликамских стихах не поднимаются темы смерти, аварийных событий, низкой зарплаты, неценности страной, а также противоречащих общественной морали трудовых ритуалов. Указанные особенности подталкивают к мысли об отражении в анализируемой выборке субпрофессиональной и локальной идентичности авторов.

Ключевые слова: наивная поэзия; рабочая лирика; образ шахтера; лингвистический анализ текста; лексико-тематическая классификация.

Обращаясь к изучению наивной поэзии, мы, вслед за другими исследователями этого феномена [Давыдов 2004; Гришин, Зеленков, Орехов 2015], хотели бы сначала оговориться, что используемый термин однозначно лишен всяче-

ской отрицательной коннотации, которая стоит за омонимичным ему словом общенародного языка. Наивная поэзия – одна из интереснейших форм народно-литературного творчества, теоретические подходы к изучению которой постепен-

но оформляются [см.: «Наивная литература»... 2001; До и после литературы... 2009; и др.].

Данная статья посвящена определению специфики образа шахтера в рабочей поэзии на уровне эксплицитного (непосредственно выраженного) содержания текстов. Исследование ведется на материале произведений работников Соликамского калийного комбината, написанных в конце 1990-х – начале 2000-х гг. и опубликованных в сборниках «Стихи» [Олюнин 2000], «А мир души такой огромный...» [«А мир души такой...» 2006]. Исследованию подвергаются стихи Ивана Батанина «Кто сказал, что шахтеры теперь не в цене...», Алексея Матвеева «За шахтеров-калийщиков!», Леонида Олюнина «Спасибо тебе», «Шахтер», «Соль на спецовке», «В забой», «Достоин высоких слов». Лингвистический анализ поэтических текстов сосредоточен на лексико-тематических особенностях языкового пространства.

К слову, номинация *поэты-калийщики* не подразумевает нового понятия, вводимого автором статьи. Она бытует в кругах городской интеллигенции, местной корпоративной прессе и даже вынесена в заглавие коллективного сборника стихов. Поэтами-калийщиками в промышленной и культурной среде города именуются бывшие или настоящие работники калийного комбината, занимающиеся на досуге сочинением лирики.

Принадлежность сочинителей одному трудовому «цеху», совпадения и пересечения в их биографиях, поколенческая общность, единство избранной тематики – все это не могло не повлиять на сходство поэтических образов. Но все-таки отобранные примеры наивного творчества не представляют собой единой народно-литературной традиции: в них не фиксируется перенятие друг от друга поэтических элементов или конструкций [Лурье 2001: 22]. Лексическая, содержательная, образная и концептуальная близость стихов разных авторов является следствием их причастности к общей локально-профессиональной культуре и позволяет рассматривать все произведения в едином контексте – как выраженное посредством художественных образов представление о профессии в сознании работников горной промышленности.

В культурологическом смысле рассматриваемые стихи нельзя назвать «чистым» наивом. Скорее, они относятся к «промежуточным формам», о которых говорит С. Ю. Неклюдов [Неклюдов 2001]. Как и собственно наивные произведения, представленные стихи оторваны от верхнего (профессионального) слоя, поскольку не обнаруживают системы поэтической техники и не включаются в идейно-философский контекст актуального литературного процесса.

От основного же массива наивных произведений их отличает изначальная ориентация на широкую читательскую общественность. Авторы «обкатывали» стихи в публичных чтениях – на торжественных собраниях коллектива, в библиотеках на встречах с читателями, на встречах с участниками местного поэтического клуба «Лира» и т. п. При издании сборников произведения поддавались внешней правке – корректуре, а возможно, и редактуре. В силу указанных внешних факторов появлялись варианты лексического, структурного и пунктуационного оформления одних и тех же стихотворений – например, тексты Л. Олюнина «Спасибо тебе», «Шахтер», «Прими» в разных сборниках.

Шахтер является центральным персонажем рабочей лирики, хотя она не ограничивается только этой тематикой: в наивном корпусе стихов местных поэтов этого же времени есть посвящения ветеранам-калийщикам (Юрий Каверинский «Ветеранская», Геннадий Мельков «Хору ветеранов ОАО “Сильвинит”») и собственно комбинату (Геннадий Мельков «Марш ОАО “Сильвинит”», Леонид Олюнин «Комбинат», «Звезда над копром»). Однако на фоне других произведений «шахтерские стихи» представляют собой более обширный и символически однородный пласт.

Их главной идеей становится воспевание трудового образа шахтера. Строятся стихи часто в форме торжественной благодарности герою за его тяжелый, но важный труд. Этим поэтическим сочинениям свойственен благородный пафос, обусловленный высоким статусом профессии в индустриальном обществе, а также в локальном сообществе, поскольку добыча соляных отложений Пермского моря со времен глубокой истории является одним из градообразующих видов деятельности в Соликамске, а «шахтерский класс» соответственно – заметная и авторитетная группа в социальном пространстве города.

Тематическое расслоение текстов наглядно показывает несколько уровней в построении лирического образа шахтера: статус, портрет, деятельность, окружение, социальная оценка. Их лингвистический объем различен, поэтому и различна значимость в структуре образа. При этом же смысловая спаянность между уровнями создает впечатление цельности обобщенного представления о шахтерах.

1. Собираемый образ шахтера во всех стихах подается как отделенный от народных масс. Это исключительная личность, являющаяся предметом всеобщего внимания: *Кто сказал, что шахтёры теперь не в цене – / Под землёю, в горячих забоях? / Они нынче нужнее вдвойне и втройне / И по-прежнему ходят в героях* (И. Б.).

Культ героя поддерживается идеей каждодневного подвига: *Твой труд благороден – / Это не лесть! / В нём, как и в стихах, / Вдохновение есть. / В нём, как в бою, / Есть подвигу место – / Это известно! / Это известно!* (Л. О. Спасибо тебе); *Идет на работу / В дальний забой: / Шахтера труд – подвиг, / Шахтера труд – бой.* (Л. О. В забой). При этом высокие заслуги трудового человека известны всем и отмечаются не только как репутационная характеристика, но и посредством официальных знаков отличия: *За то, что есть на рудниках герои / Шахтёрской Славы разных степеней!* (А. М.)

Трудовой героизм шахтера не находит сопоставлений в обыденной – мирной – жизни. Единственное адекватное ему проявление самоотверженности авторы видят в боевом духе военных – *Рядовые труда полководцы.* (Л. О. Соль на спецовке).

2. Портретные характеристики персонажа подаются в традициях советской производственной пропаганды: морщинистое лицо, гордая осанка, рабочие руки: *Труд шахтерский тяжел, и просоленный пот / На челе оставляет морщины.* (И. Б.), *Величавы вблизи и в дали* (Л. О. Соль на спецовке), *Вам слава, / Рабочие руки! / В которые / Въелась соль!* (Л. О. Достоин высоких слов). Устоявшейся деталью образа является рабочий пот: *Глотаешь соль, и пот течёт ручьями...* (А. М.), *Вам хвала, чья спецовка в поту* (Л. О. Соль на спецовке).

Во внешнем виде внимание уделяется специализированному снаряжению и рабочей одежде: *Самоспасатель на плече, под боком <...>* (А. М.), *Вам хвала, чья спецовка в соли, / Вам хвала, чья спецовка в поту.* (Л. О. Соль на спецовке). Психологические характеристики, напротив, не составляют однородности, если только в том, что все они относятся к положительным качествам и чувствам: *И кто в шахте бывал, только тот и поймёт / Их души несравненной глубины* (И. Б.), *Потому, видно, любят шахтеры простор, / Гладь воды и небесную ясность...* (И. Б.), *Надежда / Живет / Не для снов* (Л. О. Достоин высоких слов).

Безусловно, если отвлечься от сугубо языковых значений и выйти на имплицитный уровень (глубинное содержание, подтекст), многие портретные черты будут более обостренными. Однако, не желая отдаляться от поставленной цели, мы не будем развивать эту идею. Отметим только, что именно в плоскости ассоциативно-образного прочтения через детали внешнего вида (*просоленный пот* (И. Б.), *Вам хвала, чья спецовка в соли* (Л. О. Соль на спецовке), *Рабочие руки! / В которые / Въелась соль!* (Л. О. Достоин высоких слов)) открывается такое качество лириче-

ского героя, как опытность. Ср. рассказ комбайнера ОАО «Сильвинит» В. Д. Журавлева о первом спуске в шахту «Я спустился, как вы, очень чистый. А комбайнеры были очень белые. И я тоже захотел побыстрее стать белым, ведь по этому налету соли бывалых всегда отличишь <...>» [За калий 2008].

3. Наиболее разработанным и объемным тематическим полем в рабочей лирике является «деятельность». Она описывается в произведениях в конкретно-образном и оценочном ключе. Среди общих ракурсов описания предмет труда, условия труда, специфика труда, обусловленные трудовой средой ценности, значимость труда в историко-культурном процессе.

Предмет труда описывается в стихах в природной и культурной (сырьевой) формах: *Врубайся в пласты бывшего моря* (А. М.); *Шахтер дает и соль, и сильвинит!* (А. М.), *Что соль земли для новых урожаев / дает всем наш с тобою «Сильвинит»!* (А. М.), *Она дешево не дается / Благородная соль земли.* (Л. О. Соль на спецовке). Связь предмета труда и образа персонажа проводится не только в строгом технологическом смысле, но и в портретном – со стороны вещественных и физиологических характеристик: *спецовка в соли* (Л. О. Соль на спецовке); *просоленный пот* (И. Б.), *глотаешь соль* (А. М.), *Рабочие руки! / В которые / Въелась соль!* (Л. О. Достоин высоких слов). Нельзя не отметить также связь предмета труда и статуса персонажа, которая проявляется в значении фразеологизма *соль земли* – «лучшие, элита, лучшие из лучших, избранные, цвет, сливки» [Словарь синонимов ASIS 2013].

Условия труда репрезентируются через пространственные координаты, чаще вынесенные внутрь земли: *Под землю, в горячих забоях <...>* (И. Б.), *Под землю клеть спускается глубоко <...>* (А. М.), *Но если будет жарко в шахте-яме <...>* (А. М.), *За то, что есть на рудниках герои <...>* (А. М.), *Спасибо тебе, / Уходящий в забой!* (Л. О. Спасибо тебе), *Идет на работу / в дальний забой <...>* (Л. О. В забой). В характеристике шахтного пространства отмечаются элементы профессиональной материальной культуры: *И ведет свой комбайн сквозь опасность <...>* (И. Б.), *Вынесет клеть.* (Л. О. В забой), а также используются однотипные эмоционально-чувственные образы, порожденные советской литературно-публицистической традицией описания военных действий: *в горячих забоях* (И. Б.), *Здесь, как в бою, бывает горячо, Но если будет жарко в шахте-яме <...>* (А. М.).

Специфика труда раскрывается в стихотворениях чаще не в конкретном (*ведет свой комбайн* (И. Б.), *врубается в пласты* (А. М.)), а оценоч-

ном ключе. Оценочность проявляется как в выборе наименования деятельности – не работа, а труд, так и связанных с ним признаках – физической напряженности и благородстве: **Труд шахтерский тяжел** (И. Б.), **Она дешево не дается** / **Благородная соль земли**. (Л. О. Соль на спецовке); **Твой труд благороден** (Л. О. Шахтер). Эти качества, наряду с подверженностью непредсказуемым смертельным авариям – **ведет свой комбайн сквозь опасность** (И. Б.), подкрепляют устоявшееся в профессиональной среде сравнение шахтерского трудового быта и боевых условий: **И в забой, словно в бой** (И. Б.), **Шахтёр, ты каждый день – как на войне** (А. М.), **Здесь, как в бою, бывает горячо** (А. М.), **В нем, как в бою, / Есть подвигу место** (Л. О. Шахтер).

Специфичность трудовой обстановки, связанная со смертельной опасностью, обуславливает аксиологические основы шахтерской профессии. В стихах они раскрываются в двух ракурсах: с одной стороны, профессионального этического кодекса – в этом случае подчеркиваются ценности дружбы и коллективизма: **На всех хватает радостей и горя, / И дружба крепче оттого вдвойне** (А. М.), **Всегда подставит друг свое плечо** (А. М.), **Все по силам – когда вы вместе** (Л. О. Соль на спецовке), а с другой стороны, смысловых оснований – здесь высшим ориентиром выступает человеческая жизнь: **Дай же Бог, чтобы все были живы...** (И. Б.), **И ладно, коль воротиться живой** (А. М.).

Рефлексия о значимости труда в историко-культурном процессе осуществляется авторами стихов по линии преемственности между солеваренным промыслом и калийной промышленностью как последовательными технологическими этапами горной разработки на соликамской земле. Чаще и больше эта линия разрабатывается в стихах, посвященных комбинату – **В старину – послушай солеваров глас, – / «Соляные уши» называли нас: / Неразлучной парой – лошадь да бадья / Были солевару верные друзья!** (Г. М. Марш ОАО «Сильвинит»), в посвящениях шахтерам делаются только обобщенные указания: **Хотя настали времена иные, / Но соль всему была и будет соль.** (А. М.), **Так было всегда, / С дней седой старины** (Л. О. В забой). Кроме того, есть в стихотворениях и другая линия, связывающая настоящее и будущее на основе практического назначения калия – служить сельскохозяйственным удобрением: **Что соль земли для новых урожаев / дает всем наш с тобою «Сильвинит»!** (А. М.), **Мы создаем / Плодородье земли! / Мы грузим составы / И корабли. / В зернышко каждое / Вложен наш труд – / Всё, что мы сделали / Дни не сотрут** (Л. О. Спасибо тебе).

4. В социальном окружении персонажа, помимо друзей-«соратников» (о чем мы уже писали выше), лексически маркируется семья: **День шахтера, ты праздник шахтерских семей!** (И. Б.), **Тревога застыла / Во взоре жены** (Л. О. В забой). (Благополучие семьи выступает одним из оправданий тех рисков, которые присущи профессии, и одновременно – наградой за них.)

5. Социальная оценка шахтерской профессии выражается прямо, в высокопатетичных признаниях и благодарностях: **За то, шахтер, тебя и уважаю, / За то и слава о тебе гремит, / Что соль земли для новых урожаев / Дает всем наш с тобою «Сильвинит»!** (А. М.), **Пусть благодарности / Грянет прибой. / Спасибо тебе, / Уходящий в забой!** (Л. О. Спасибо тебе), **Заслужили вы весен и песен, / Воплощая свою мечту.** (Л. О. Соль на спецовке), **Шахтеры, / Шахтеры, / Шахтеры – / Достойны / Высоких слов!** (Л. О. Достойны высоких слов).

Представленная лексико-тематическая система и структурно, и содержательно оказывается близка советской производственной пропаганде: в этой эстетической плоскости сходятся все авторы. Образ персонажа-гиганта зачастую выстраивается высокими устойчивыми выражениями, заложенными в культуре методом соцреализма.

Идеологические стереотипы, вероятно, сложившиеся в начале трудового пути и/или отражающие ностальгическую волну воспоминаний о советском прошлом, диктуют поэтам правильный (нормативный) стиль повествования о герое «трудового фронта» и обуславливают появление в текстах штампов официальной советской культуры. В мыслительно-поэтических образах раскрывается наивное представление об исключительной профессиональной личности и повлиявший на нее жизненный, читательский и зрительский кругозор сочинителей.

Однако же нельзя сказать, что лирические идеалы соликамских поэтов были навязаны местной художественной литературой. По «духу» они не пересекаются, например, со стихами Алексея Решетова, в текстах которого – «Я верил в розовые сказки...» (1969), «Баллада о волшебном слове» (1975) [Решетов 2004] – тоже есть место и профессиональному языку шахтеров, и идиомам советской производственной пропаганды. Тем более что его трудовая жизнь на калийном комбинате в соседнем городе Березники пришлась именно на советское время – конец 50-х – начало 80-х гг. Решетовская рабочая лирика отличается тем, что советские официозные метафоры в ней распадаются, высвобождая место для «экзистенциальной проблематики человеческого бытия» [Абашев 2000: 280].

Прорывы «человеческого» незначительны в современной местной поэзии. В большей степени эта оторванность от «стахановской» символики заметна в стихотворении А. Матвеева. В языке автора идеологические формулы лексически облегчаются и частично десемантизируются вследствие контекстуального соседства с разговорными элементами народной речи (*ладно, коль, воротись, наплевать*), а также общего торжественного, но не парадно-церемониального настроения. Отражается в стихотворении и неформальная культура шахтеров, воплощенная в мифологических образах их святого покровителя и противоположной силы: *Да наплевать – мы ходим все под Богом, / И нас Христос пока еще хранит. / Пока там дьявол пошевелит рогом – / Шахтер дает и соль, и сильвинит!* (А. М.)².

Полагаем, что подчеркнутая в лексике идеалистичность шахтерского образа не могла быть критерием специального отбора стихов для публикации в сборнике предприятия «А мир души такой огромный...». Так, например, стихи Л. Олюнина в авторском сборнике («Соль на спецовке», «В забой», «Достоин высоких слов») не отличаются по символике и накалу от опубликованных в коллективном издании. Более вероятной причиной видится нерелексивное следование сочинителей широко растиражированным в советской культуре плакатным, скульптурным, литературным, кинематографическим образцам изображения шахтеров. Там же, где такие образцы отсутствуют, поэты разрабатывают собственный «канон», который, в частности, можно проследить в образе ветерана-калийщика. Он тоже значительно стереотипен, но символика не в таком объеме восходит к советской производственной идеологии.

Идеалистичность как общая поэтическая черта обусловлена выбранной поэтами темой – восхваление героя. Отчасти темой же, точнее, ее наивным истолкованием, определяются стороны характеристики персонажа – не компрометирующие и не снижающие образ, не «обытоворяющие» его. Стихи соликамских поэтов жизнеутверждающие, практически лишены проблемной рефлексии, «заздравные» по качеству финала: *Дай же Бог, чтобы все были живы...* (И. Б.), *Так выьем – наливай бокал полной!* (А. М.), *Спасибо тебе, / Уходящий в забой!* (Л. О. Спасибо тебе).

По типу характеристики шахтерский образ в соликамской наивной лирике заметно отстоит от лирического персонажа в творчестве кузбасских поэтов. Народно-литературная поэзия Кузбасса более внимательно настроена на «живого современника» – ср. стихи в сборнике «Шахтерский

город» [Шахтерский город 2005]. В творчестве сибирских поэтов, помимо указанных выше тематических слоев, намечаются своеобразные реперные точки «смерти», «аварийных событий», «низкой зарплаты», «неоцененности страной». (Как известно, эти темы отчетливо звучат не только в лирике, но и в промышленной жизни угольного региона. Высокое число аварий, многочисленные смерти горняков, забастовочное движение – все это на переломе тысячелетий было не просто внутренней проблемой Кузбасса, а составляющей общероссийского медийного пространства.) Не опускается в портретной характеристике кузбасских шахтеров и не одобряемое широким социумом поведение в форме совместного выпивания, которое в мужских коллективах выполняет функцию ритуала сплочения (ср. тюремную и солдатскую среду [Ефимова 2001]).

Принимая во внимание специфику лексикотематической характеристики главного персонажа в соликамской рабочей лирике, а также категориальное, во многом содержательное и пафосное несовпадение образа соликамского шахтер-калийщика с образом кузбасского шахтера-угольщика, подчеркнем связь языкового уровня текстовой организации с экстралингвистическим. Полагаем, что в рассматриваемой совокупности текстов воплотились прежде всего субпрофессиональная и локальная идентичности создателей текстов.

Примечания

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Пермского края в рамках научного проекта № 20-41-590002.

² Поясним, что мифология, выраженная в знаках религиозно-православной модели, имеет глубокие корни. Ее основание составляют дохристианские представления о покорении природы культурным героем-демиургом. При этом сюжетный мотив состязания человека (рудокопа, шахтера) с хозяином (хозяйкой) подземелья за природные богатства довольно распространен в профессиональных кругах и широко бытует в шахтерской лирике – см. примеры из текстов кузбасских поэтов: *Засыпало по грудь меня в чертоге, / В завале сильно ноги затекли, / Тогда впервые вспомнил я о Боге, / Почувствовав дыхание земли* (Н. Бацевич. Про это я еще не рассказывал...), *Там всю жизнь игра идет со смертью, / Даже серой пахнет, как в аду. / Реут шахтеры, черные, как черти, / У чертей подметки на ходу* (А. Курицын. Особая профессия), *Каждый день мы уходим на смену. / За торженье прости нас, Земля, / Не бери непомерную цену / За добытые тонны угля* (А. Курицын).

Такой характер), *И что за каждый миллион угля / Шахтера, словно косточку по счетам / Кида-ет влево матушка земля, / Сочтятся за уголек кровавым счетом* (И. Полунин) [Шахтерский город 2005], или советской песенной поэзии: *Любой из нас – ну, чем не чародей? / Из преисподней наверх уголь мечем. / Мы топливо отнимем у чертей – / Свои котлы топить им будет нечем!* (В. Высоцкий. Марш шахтеров) [Шахтерские песни].

Список литературы

Абашев В. В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2000. 404 с.

А мир души такой огромный...: сб. стихов поэтов-калийщиков. Соликамск, 2006. 288 с.

Гришин Е. А., Зеленков Ю. Г., Орехов Б. В. Наивная поэзия в акцентологическом корпусе // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. М.: ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН. 2015. № 6. С. 257–272.

Давыдов Д. М. Русская наивная и примитивистская поэзия: генетика, эволюция, поэтика: дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2004. 188 с.

До и после литературы. Тексты «наивной словесности» / сост. А. П. Минаева; отв. ред. Е. Е. Жигарина. М.: РГГУ, 2009. Сер.: Традиция – текст – фольклор: типология и семиотика. 528 с.

Ефимова Е. С. Картина мира тюремной лирики // «Наивная литература»: исследования и тексты / сост. С. Ю. Неклюдов. М.: Моск. обществ. Науч. фонд, 2001. Серия: Научные доклады. № 129. С. 187–201. URL: <http://a-pesni.org/dvor/moskva/a-kartmira.php> (дата обращения: 18.01.2021).

За калий. 19.09.2008. № 37. С. 2.

Лурье М. Л. О феномене наивного сочинительства // «Наивная литература»: исследования и тексты / сост. С. Ю. Неклюдов. М.: Моск. обществ. науч. фонд, 2001. Сер.: Научные доклады. № 129. С. 86–92.

«Наивная литература»: исследования и тексты / сост. С. Ю. Неклюдов. М.: Моск. обществ. науч. фонд, 2001. Сер.: Научные доклады. № 129. 248 с.

Неклюдов С. Ю. От составителя // «Наивная литература»: исследования и тексты / сост. С. Ю. Неклюдов. М.: Моск. обществ. науч. фонд, 2001. Серия: Научные доклады. № 129. 248 с. URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/bookcenter.htm> (дата обращения: 18.01.2021).

Олюнин Л. Стихи. Соликамск: ОГУП «Соликамская типография», 2000. 112 с.

Решетов А. Л. Собрание сочинений: в 3 т. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2004. 472 с.

Словарь синонимов ASIS / В. Н. Тришин. 2013. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/167504/соль (дата обращения: 20.01.2021).

Шахтерские песни // Ежемесячный научно-технический и производственно-экономический журнал «Уголь». URL: <http://www.ugolinfo.ru/pesni.html#14> (дата обращения: 20.01.2021).

Шахтерский город. Стихотворения о шахтерах и поздравления ко Дню шахтера / сост. Г. А. Белова; МУ «ЦБС г. Белово». Белово, 2005. 19 с.

References

Abashev V. V. *Perm' kak tekst. Perm' v russkoy kul'ture i literature XX veka* [Perm as Text. Perm in Russian Culture and Literature of the 20th Century]. Perm, Perm State University Press, 2000. 404 p. (In Russ.)

'A mir dushi takoy ogromnyu...': Sbornik stikhov poetov-kaliyshchikov ['And the world of the soul is so huge...': A collection of poems by poets-potash miners]. Solikamsk, 2006. 288 p. (In Russ.)

Grishin E. A., Zelenkov Yu. G., Orekhov B. V. *Naivnaya poeziya v aktsentologicheskom korpusе* [Naive poetry in the accentological corpus]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova* [Scientific Works of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute]. Moscow, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences Publ., 2015, issue 6, pp. 257–272. (In Russ.)

Davydov D. M. *Russkaya naivnaya i primitivistskaya poeziya: genetika, evolyutsiya, poetika. Diss. ... kand. filol. nauk* [Russian naive and primitivist poetry: Genetics, evolution, poetics. Cand. philol. sci. diss.]. Samara, 2004. 188 p. (In Russ.)

Do i posle literatury. Teksty 'naivnoy slovesnosti'. [Before and After Literature. Texts of 'Naive Literature']. Comp. by A. P. Minaeva. Ed. by E. E. Zhigarina. Moscow, Russian State University for the Humanities Press, 2009, series: Traditsiya-tekst-fol'klor: tipologiya i semiotika [Tradition-text-folklore: Typology and semiotics]. 528 p. (In Russ.)

Efimova E. S. *Kartina mira tyuremnoy liriki* [The world view of prison lyrics]. *'Naivnaya literatura': issledovaniya i teksty* ['Naive Literature': research and texts]. Comp. by S. Yu. Neklyudov. Moscow, Moscow Public Science Foundation Publ., 2001, series: Nauchnye doklady [Scientific reports], issue 129, pp. 187–201. Available at: <http://a-pesni.org/dvor/moskva/a-kartmira.php> (accessed 18.01.2021). (In Russ.)

Za kaliy [For potassium], 19.09.2008, issue 37, p. 2. (In Russ.)

Lurie M. L. *O fenomene naivnogo sochinitel'stva* [On the phenomenon of naive writing]. *'Naivnaya literatura': issledovaniya i teksty* ['Naive Litera-

ture': Research and texts]. Moscow, Moscow Public Science Foundation Publ., 2001, series: Nauchnye doklady [Scientific reports], issue 129, pp. 86–92. (In Russ.)

'*Naivnaya literatura*': issledovaniya i teksty ['Naive Literature': Research and Texts]. Comp. by S. Yu. Neklyudov. Moscow, Moscow Public Science Foundation Publ., 2001, series: Nauchnye doklady [Scientific reports], issue 129, 248 p. (In Russ.)

Neklyudov S. Yu. Ot sostavitelya [From the compiler]. '*Naivnaya literatura*': issledovaniya i teksty ['Naive Literature': Research and Texts]. Comp. by S. Yu. Neklyudov. Moscow, Moscow Public Science Foundation Publ., 2001, series: Nauchnye doklady [Scientific reports], issue 129, 248 p. Available at: <https://www.ruthenia.ru/folklore/bookenter.htm> (accessed 18.01.2021). (In Russ.)

Olyunin L. *Stikhi*. [Poems]. Solikamsk, Solikamsk Publishing House, 2000. 112 p. (In Russ.)

Reshetov A. L. *Sobranie sochineniy v 3 t.* [Collected works in 3 vols.]. Yekaterinburg, Bank kul'turnoy informatsii Publ., 2004. 472 p. (In Russ.)

Slovar' sinonimov ASIS [Dictionary of Synonyms ASIS]. Comp. by V. N. Trishin. 2013. Available at: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/167504/sol/ (accessed 20.01.2021). (In Russ.)

Shakhterskie pesni [Miners' songs]. *Ezhemesyachnyy nauchno-tekhnicheskyy i proizvodstvenno-ekonomicheskyy zhurnal 'Ugol'* [Monthly scientific-technical and production-economic magazine 'Coal']. Available at: <http://www.ugolinfo.ru/pesni.html#14> (accessed 20.01.2021). (In Russ.)

Shakhterskiy gorod. Stikhotvoreniya o shakhterakh i pozdravleniya ko Dnyu shakhtera [A Mining Town. Poems about miners and congratulations on the Miner's Day]. Comp. by G. A. Belova. Belovo, Centralized Library System of the town of Belovo Publ., 2005. 19 p. (In Russ.)

THE IMAGE OF A MINER IN VERSES OF SOLIKAMSK POETS – POTASH WORKERS

Liliya M. Panteleeva

Researcher in the Faculty of Social Sciences and Humanities

HSE University

38, Studencheskaya st., Perm, 614070, Russian Federation. liliya_pant@mail.ru

SPIN-code: 2411-1021

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5815-1288>

ResearcherID: K-9889-2017

Submitted 25.04.2021

This article analyzes modern naive poems about potash miners written by Solikamsk poets and addressed to the general public. The focus is on the lexical-thematic space associated with the image of the lyrical hero. The paper provides linguistic description of the thematic groups common to all the authors, such as 'status', 'portrait', 'activity', 'environment', 'social assessment'. By their characteristics, the texts of the poems appear to be conceptually close to Soviet industrial propaganda. The image of a miner in all the poems is presented as being separated from the masses. The portrait characteristics of the character are depicted in the traditions of socialist realism: a wrinkled face, proud posture, working hands. In the verses, labor heroism of the worker finds no parallels in everyday – peaceful – life, the poets only draw parallels between the miners and the military, as both demonstrating extreme selflessness. Working conditions are represented through spatial coordinates, most often located under the earth's surface. The social assessment of the mining profession is expressed explicitly, in highly pathetic honoring and praising.

A thematic comparison of Solikamsk miners' lyrics with poems written by Kemerovo poets of the same period has revealed some conceptually significant discrepancies in the image of the hero. The Ural (Solikamsk) poems differ from the Siberian (Kemerovo) ones in their solemn mood, and they do not allow vocabulary that would degrade, discredit the image, make it appear ordinary. The Solikamsk poems do not raise the topics of death, accidents, low wages, workers being misappreciated by the country, as well as labor rituals contrary to public morality. These features encourage the idea that the poems under study reflect the subprofessional and local identity of their authors.

Key words: naive poetry; working lyrics; image of a miner; linguistic analysis of text; lexical-thematic classification.